

05, май 2016

УДК 316.6

Природа юмора и его влияние на общественные отношения

*Рокотьянская Л.О., аспирант
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кафедра «Философия»*

*Научный руководитель: Губанов Н.Н., д.ф.н., доцент
Россия, 105005, г. Москва, МГТУ им. Н.Э. Баумана,
кафедра «Философия»
sgn4@bmstu.ru*

Юмор, несмотря на кажущуюся несерьезность, оказывает огромное, но при этом мягкое и неуловимое, влияние на нашу жизнь. Проявления данного феномена настолько многогранны, что он изучается в рамках антропологических, этологических, психологических, социокультурных, исторических, философских исследований. Сегодня предпринимаются попытки обобщить имеющийся научный материал и взглянуть на явление с позиции синтеза несколько наук. Однако комплексное изучение феномена юмора находится на этапе своего зарождения – как в России, так и за рубежом. Парадокс заключается в том, что человек, пытающийся охватить тонкое и неуловимое явление смешного, сам может стать мишенью для осмеяния.

Прежде чем ступить на скользкий лед изучения феномена юмора, разберемся с используемой терминологией. Что понимать под юмором? Юмор – что-то, вызывающее смех. Однако уже первые исследователи данного феномена заметили, что сам смех может быть вызван не только юмористической шуткой. Смех может быть порожден физиологическими и психопатологическими причинами, как то: смех, вызванный употреблением наркотиков и алкоголя, истерический смех, смех от щекотки. Любопытно, что гипотетически смеяться от щекотки может не только человек – практические исследования в данной сфере показали, что от щекотки, вероятно, могут смеяться приматы и крысы, издавая специфические звуки, – хихиканье последних, правда, человеческого ухо уловить не способно [17]. Традиционно из рассмотрения общественными науками исключается смех, вызываемый физиологическими причинами – начиная с XIX в. исследователи выделяют «смех тела» и «смех ума». Таким образом,

юмор – лишь частный случай смеха, «смеха ума» – он социально ориентирован и предполагает творческую работу человеческого разума.

Для понимания функций юмора в обществе необходимо обратиться к проблеме происхождения смеха в целом. Однако относительно генезиса данного феномена до сих пор ведутся научные споры. Существует множество теорий смеха и почти такое же множество классификаций этих теорий. Огромная работа по обобщению и критическому анализу концепций смешного уже проведена отечественными учеными и философами. Формат статьи не позволяет детально описать воззрения каждого исследователя на феномен смеха, поэтому не будем изобретать велосипед и обратимся к результатам работы отечественных социологов А.В. Дмитриева и А.А. Сычева. Все наиболее известные теории смеха они разделили на три условные категории – теорию превосходства, теорию разрядки и теорию противоречия. При этом, как подчеркивают авторы классификации, между указанными категориями нет жестких границ – часто отдельные мотивы теорий пересекаются. Каждая из концепций отражает долю истины о природе смеха, но имеет и свои недостатки, не дотягивая до конечной формулы смешного [16]:

1. Теория превосходства, детально разработанная Т. Гоббсом, находит причину смеха в возвышении смеющегося и принижении осмеиваемого. В основе смеха лежит чувство превосходства, тщеславия. С точки зрения общественных отношений смех рассматривается как механизм улучшения социального статуса шутника. Теория Гоббса оказала огромное влияние на дальнейшие теории – Стендаля, А. Бэйна, Ш. Бодлера, А. Альфреда и других исследователей [16].

Т. Гоббс был одним из первых, кто отметил социальную роль смеха, а также подошел к изучению его природы не с точки зрения его объекта, а с точки зрения чувств и мотивов субъекта. Однако, как отмечают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев, у концепции превосходства имеются и свои пробелы. Так, спортивные соревнования тоже связаны с превосходством одних над другими, но возвышение до статуса победителя в данном случае не обязательно приводит к смеху. Более того, имеются примеры смеха, не связанные с тщеславием – смех от щекотки; карнавальный смех, направленный на самих смеющихся; смех младенца, сигнализирующий скорее о комфорте [16].

2. Теория разрядки – в том или ином виде сводится к идее освобождения от умственной и физиологической напряженности, от диктата социальных табу и норм. Наибольшее влияние на развитие данной группы теорий оказали работы З. Фрейда и Г. Спенсера. К данной категории можно отнести и теории И. Канта, В. Менона, Т. Липпса,

Дж. Грегори, К. Хорни, Э. Берна, К. Лоренца, А. Кёстлера. Замечания к концепции разрядки, приводимые А.В. Дмитриевым и А.А. Сычевым:

«Несмотря на ряд интересных наблюдений и заключений, нельзя не отметить, что сама теория разрядки вызывает серьезные вопросы и возражения. Основное из них касается правомерности применения принципа разрядки для определения именно смеха. Например, кантовское «превращение напряженного ожидания в ничто» применимо не только к смеху, но и к другим чувствам, первым из которых будет, несомненно, разочарование и закономерно следующее за ним раздражение. <...> Что касается фрейдистской концепции остроумия как разрядки напряжения, вызванного невозможностью удовлетворить бессознательные желания, то и здесь под дефиницию подпадают другие явления – не всегда остроумные оговорки и описки, сновидения, в которых смех проблематичен, творчество как сублимация и т.д.» [16].

3. Теория противоречия, продолжая античную традицию, усматривает природу смеха во внезапном осознании несовместимости или даже абсурдности двух противоречащих понятий: ничтожностью и величием (Жан Поль), иллюзорностью и основательностью (Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, Ф. Энгельс), абстрактным представлением и физической реальностью (А. Шопенгауэр), жизнью и косностью (А. Бергсон) [16].

Действительно, юмор удивительным образом сочетает в себе, на первый взгляд, несовместимые понятия. Он чем-то напоминает «игру в бисер», описанную Г. Гессе. В одноименной книге орден интеллектуалов играет в своеобразную игру, представляющую собой нахождение глубинных связей между явлениями, которые относятся к совершенно разным сферам искусства и науки – например, музыкальный концерт нужно представить в виде математической формулы [4]. Юмор – это тоже своего рода интеллектуальная игра, совмещающая несовместимое, находящая ассоциации между различными предметами и явлениями. Как верно заметил американский композитор Нед Рорем: «Юмор – это способность видеть три стороны одной медали». Юмор выражает стремление в целостному и одновременно многостороннему мировосприятию.

Основным недостатком теорий противоречия является их применимость не только к смеху – одновременное воспроизведение логически противоречивых понятий может и не вызвать смеха вовсе, а может вызвать и совсем отрицательные чувства. А.В. Дмитриев и А.А. Сычев приводят следующие примеры:

«Ничтожность на фоне величия может вызывать и жалость, а в моральном плане – негодование. Разрушение видимости, претендовавшей на субстанциональность, часто вызывает достаточно серьезные и трагические последствия, не всегда сопровождаемые смехом. Несовпадение понятия и реальности, выражающееся, например, в заблуждении

или лжи, также маркируется не только смехом. Что касается автоматизма и гибкости, то многие традиционные консервативные общества достойным смеха считают именно отступление от автоматизма, подвергая любые явления, выходящие за границы традиционного социального поведения, осмеянию, равному остракизму; особенно это касается архаических обществ и некоторых восточных практик смеха» [16].

В дополнение лишь отметим, что шутка, созданная по всем правилам логической противоречивости, может и не вызвать смех. Приведем художественный пример подобного случая. В произведении «Луна – суровая хозяйка» американского писателя-фантаста Р. Хайнлайна суперкомпьютер, обладающий уникальными вычислительными качествами, проанализировал логические правила составления «хохмочек» и придумал свою: «Что общего между лазером и золотой рыбкой? – Спели бы, а не могут» [26]. Как видим, смех не может быть объяснен только через логику. А.В. Дмитриев и А.А. Сычев в своей работе приходят к следующему выводу:

«Мы полагаем, что адекватно описать смех можно только на основании анализа общества. Так, человек, воспитанный в европейском обществе, осознавая логику построения некоторых японских или китайских шуток и противоречия в них, не чувствует собственно их комизма. То же можно сказать не только о национальном, но и профессиональном юморе, который, будучи даже воспринят, не всегда интересен стороннему человеку» [16]. Следует согласиться с позицией, согласно которой особенности юмора и восприятия комического составляют важные черты индивидуальной и коллективной ментальности [6; 7; 10].

А. Бергсон так же приходил к выводу о социальных основаниях смеха на первых же страницах своего эссе «Смех». Анализируя основные условия возникновения смеха, он приходит к следующим выводам:

1. «Не существует комического вне собственно человеческого. Пейзаж может быть красивым, привлекательным, величественным, невыразительным или безобразным; но он никогда не будет смешным» [3].

2. «Комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца. Оно обращается к чистому разуму». Действительно, без подобного временного равнодушия не был бы возможен ни специфический черный юмор, ни даже понятный большинству смех над падающим неуклюжим героем комедии [3].

3. «Смешное не может оценить тот, кто чувствует себя одиноким. Смех словно нуждается в отклике <...>. Чтобы понять смех, его необходимо перенести в его

естественную среду, каковой является общество; в особенности же необходимо установить полезную функцию смеха, каковая является функцией общественной» [3].

З. Фрейд, анализируя сальные остроты, приходит к выводу о необходимом наличии как минимум трех лиц: создателя остроты; человека, на которого направлена острота; и третьего лица, способного оценить удачность остроты – именно благодаря третьему лицу, по мнению Фрейда, и достигается извлечение удовольствия от шутки [25].

Нечто социальное присутствует и в таком примитивном и древнем виде смеха, как смех от щекотки. Человек не может щекотать сам себя – ему не будет ни щекотно, ни смешно. Более того, если вы подойдете к незнакомому человеку на улице и решите его пощекотать, то можете получить за это по зубам – требуется довольно близкий уровень знакомства, а также соответствующие время и место [16].

Таким образом, какой бы ни была изначальная природа смешного, юмор (да и феномен смеха в целом) зависим от социального контекста, а также сам оказывает всестороннее влияние на общество.

В большинстве случаев юмор позитивно воздействует на людей и общество в целом – выполняет досуговую роль, способствует эмоциональной разрядке. Юмор также исполняет защитную функцию – помогает отвлечься от серьезного отношения ко всему происходящему, от страхов и забот повседневности. Справедливы слова Махатмы Ганди: «Не будь у меня чувства юмора, я давно бы покончил с собой». Смех сопровождает человека даже в самых тяжелых жизненных ситуациях. Так, Виктор Франкл – австрийский психиатр и бывший узник нацистского концентрационного лагеря – отмечает:

«Если может показаться невероятным, что кто-то в лагере сохранил способность восхищаться природой, то еще более невероятным кажется то, что некоторые сохранили чувство юмора. Но не удивляйтесь. Пусть на какие-то минуты, пусть в каких-то особых ситуациях, но юмор – тоже оружие души в борьбе за самосохранение. Ведь известно, что юмор как ничто другое способен создать для человека некую дистанцию между ним самим и его ситуацией, поставить его над ситуацией, пусть, как уже говорилось, и ненадолго» [25].

Более того, В. Франкл обращает внимание на появление у заключенных специфического черного юмора: «Так рушились иллюзии, одна за другой. И тогда явилось нечто неожиданное: черный юмор. Мы ведь поняли, что нам уже нечего терять, кроме этого до смешного голого тела» [25].

Юмор – выражение свободы. Хоть и на короткий срок, но он рушит любые социальные иерархии и догмы. Смех вскрывает иллюзорность и ложь, скрытые за

фасадом авторитета, важности или величия. Исторически шутнику позволяется больше, чем кому-либо. Вспомним роль шута, который может позволить себе в завуалированной форме критиковать знатных вельмож и самого короля. Шута принимают за дурака, за недоразвитого ребенка – его поведение асоциально, он не разбирается в общепринятых социальных нормах и стереотипах. Недаром английское слово «fool» имеет два значения: «дурак» и «шут». В русском языке шутник обычно «валяет дурака», «дурачится», «ребячится». Аналогом шута на Руси выступает скоморох. Определенная связь прослеживается и с юродством – но лишь по социальной функции свободы слова – ведь над юродивыми смеяться запрещается. Правда, о полной свободе самовыражения блаженных, шутов и скоморохов утверждать тоже нельзя – ведь их нередко наказывают и казнят. Шутовское ремесло тонко и хрупко – важно не пересечь границ дозволенного (которые, кстати сказать, расплывчаты и туманны, да и во многом зависят от уместности и чувства юмора окружающих) и не накликать на себя месть обиженных.

А. Бергсон видел в смехе движущую силу самосовершенствования общественных отношений. Обществу недостаточно раз и навсегда отлаженных связей между людьми, оно требует развития и выступает против автоматически отлаженных ролей. По мнению А.Бергсона, комическое – есть проявление косности, а смех – наказание за нее [3]. В той или иной формах в юморе часто присутствует критика существующего социального порядка, пороков отдельных его членов, высмеивание устаревших требований и ценностей. Проявляться это высмеивание может как в скрытых формах «валяния дурака», так и в открытых формах – сатирических произведениях, политических карикатурах и т.д. При этом, как заметил Г.К. Лихтенберг, хорошая сатира «вызывает улыбку даже у тех, кого она бьет».

Таким образом, роль юмора в целом положительна – юмор освобождает, разрушает мнимые барьеры между людьми, заряжает хорошим настроением, корректирует поведение отдельных индивидов и социальных групп. Однако часто юмор обнаруживает свою неоднозначность. Связано это, во-первых, с проблемой понимания. Чувство юмора в обществе дифференцировано – так, не все люди понимают черный юмор, а многие презирают юмор «ниже пояса». Хотя юмор и присутствует во всех культурах, не все люди обладают чувством юмора. Справедливо замечание писателя-фантаста А. Азимова по этому поводу:

«Самым поразительным в чувстве юмора является то, что ни один человек не признается в его отсутствии. Люди спокойно говорят, что ненавидят собак и не любят детей, с радостью сообщают, что мухлюют с налогами или обманывают своего супруга, и

не станут протестовать, если их посчитают жестокими или нечестными, а просто поменяют слова и назовут себя реалистами и деловыми людьми. Однако обвините их в отсутствии чувства юмора, и они всякий раз станут яростно протестовать, вне зависимости от того, сколько раз они демонстрировали, что его у них попросту нет. Например, мой отец всегда утверждал, что у него потрясающее чувство юмора и он с удовольствием это докажет, когда услышит шутку, над которой стоит посмеяться (на моей памяти ему так ни разу и не довелось такой шутки услышать)» [1].

Позитивная роль юмора в налаживании контактов между людьми бесспорна. Двудикость же проявляется на уровне межгрупповой коммуникации – здесь проявляет себя дезинтегрирующая функция юмора. В первую очередь, юмор работает как средство самоидентификации «свой – чужой» [9; 12]. Так, в каждой стране свой юмор, отражающий социальный контекст и культуру конкретного общества. Анекдоты других народов могут быть нам не смешны, даже если мы и поймем их логику и смысл. Шутка может и не поддаваться переводу в силу лингвистических особенностей. То же самое относится и к юмору профессиональному – он не вызовет смеха без должного понимания сленга и эмоциональной принадлежности [5; 22].

В силу описанного выше двудикого свойства юмора и ментальных различий, юмор может стать причиной конфликтных ситуаций. К примеру, большой общественный резонанс вызвал террористический акт в редакции французского сатирического еженедельника Charlie Hebdo [26], причиной которого стала публикация карикатур на пророка Мухаммеда. Карикатуры, смешные для представителей одной культуры, были восприняты другой – как проявление крайнего кощунства. С одной стороны, причиной конфликта служат глубокие ментальные различия между западной (европейской) и мусульманской культурами. Риск обострения подобных межцивилизационных конфликтов, как отмечают Н.И. Губанов и Н.Н. Губанов, в условиях глобализации лишь возрастает [13; 15]. С другой стороны, конфликты не почве юмора возможны и по другим причинам – непонимания и неуместности, а также намеренной провокации. Так, в ноябре 2015 года тот же журнал опубликовал карикатуры на катастрофу российского самолета А 321 над Синайским полуостровом [27]. Однако у российской стороны карикатуры смеха не вызвали, а были расценены как глумление над памятью погибших. Юмор может являться и оружием намеренной провокации, равно как и намеренная провокация может стать предметом комического. Как это происходит в случае с таким сравнительно молодым и мало изученным видом юмора, как интернет-троллинг [24]. Суть шутки заключается в процессе размещения провокационных сообщений в различных виртуальных форумах, конференциях, чатах с целью вызвать бесцельную конфронтацию

между участниками. Данный вид юмора был известен и ранее. Но виртуальная среда предоставила возможность анонимности, что и явилось причиной популярности подобного рода шуток. Психологическая особенность интернет-троллинга заключается и в отсутствии желания смеяться вместе с кем-то – шутнику достаточно посмеяться над забавной ситуацией про себя. Остроумие французского писателя Альфонса Алее в какой-то степени выражает этот смех про себя:

«С конца 1882 года я с удовольствием пускаю в ход одну и ту же старую шутку. Когда при мне говорят: "Кстати, что-то давненько не видно *такого-то!*", я каждый раз отвечаю: "Он в тюрьме". Вреда от этого никакого, а меня это неизменно забавляет. Так зачем напрасно придумывать свежие остроты?» [2].

Как видим, юмор – вещь довольно тонкая. Почему-то в одних случаях мы смеемся, а в других – воспринимаем смех как неуместное кощунство. Каковы условия уместности юмора, в частности черного? Шутя, человек временно становится равнодушным к происходящему, смотрит на ситуацию со стороны. Юмор возможен, как справедливо отметил А.Бергсон, только при временной «анестезии сердца», при временном равнодушии к объекту смеха. Смеясь, человек переходит в другой режим мышления. Чтобы понять комичность ситуации, необходимо взглянуть на нее другими глазами. Итальянский фильм «Укрощение строптивого» представляет нам отличный пример того, как человек не может абстрагироваться от реальности и перейти в смеховой режим мышления. Так, главный герой фильма – фермер Элиа – во время просмотра телевизионной комедии не смеется, а плачет, когда человек падает:

«— А ты, я вижу, не смеешься?

— Нет.

— Да ты посмотри, посмотри на экран! Разве не забавно? Видишь, как он полетел? Смотри, как он плюхнулся! Разве не смешно?

— Нет.

— Над упавшими смеются с тех пор, как стоит свет! А ты что же?

— Да ведь он ударился, ему больно!— Ай, а, ай, ай...».

По словам антрополога А.Г. Козинцева, смех абсолютно субъективен – он целиком направлен на «непостоянство субъекта», который способен смотреть на объект разными глазами. В самом объекте нет ничего смешного – смех проявляется при смене режима его рассмотрения. Если мы будем смотреть на объект «серьезными глазами», то не увидим в нем ничего смешного [21].

М.Т. Рюмина ассоциирует подобный смеховой режим мышления с виртуальной реальностью. Человеку свойственно удваивать уже имеющуюся реальность [11; 14].

«Действительно, у человека есть такая потребность, обусловленная его сознанием, разумная природа которого является целеполагающей и стремящейся к предвидению. По-видимому, удвоение мира есть фундаментальное свойство человеческого сознания. Второй отраженный мир выполняет роль модели мира, в которой человек наделен большей степенью свободы, чем в обычном мире, и в ней отрабатываются различные возможности поведения человека и его последствия. Потребность в удвоении мира удовлетворяли искусство, философия, религия, наука, другие объективированные формы человеческого сознания» [23].

В своем философском анализе М.Т. Рюмина приходит к осознанию связи между смехом и игрой. Обоим явлением присуще пребывание в иной реальности. Игра, как и смех, является антиподом серьезности и труда. Если труд ориентирован на результат, то играющий заинтересован скорее в самом процессе игры. В игре, как и в смехе, присутствуют свободы и творчество. И, конечно, игра, как и смех, приносит удовольствие, радость и разрядку напряжения [23].

А. Г. Козинцев, уже основываясь на конкретных исследованиях приматологов, утверждает, что именно игра дала начало смеховому поведению. У высших приматов есть определенная «смеховая мимика» (она напоминает мимику смеющегося человека), являющаяся знаком перехода в игровой режим. Этим сигналом животное как бы говорит: «сейчас я на тебя нападу, но это будет понарошку, в шутку». И если с наблюдением за обезьянами в нашей северной стране могут возникнуть проблемы, то мы вполне можем рассмотреть подобные игровые сигналы у собак – например, вытянутые вперед лапы и виляющий хвост [18].

А.Г. Козинцев также отмечает, что животные практически никогда не путают истинную агрессию с игровой. То же самое характерно и для маленьких детей. Но в процессе взросления происходит вытеснение биологического начала механизмами культурными:

«Спонтанный смех, сопровождающий жестокость – это не какой-то особый "жестокий смех", а самый обычный, тот же, что и всегда. Люди, воспитанные жестокой культурой, находят страдания существ, которых они мучают и убивают, смешными. Преступники отличаются от прочих людей не тем, как они радуются, грустят и смеются, а тем, что их радует, печалит и смешит. Отрыв смеха от исходного контекста дружелюбной игры – явление целиком и полностью культурное» [18].

Подведем итог. Юмор обладает двойственным влиянием на социальную жизнь. Ведь несмотря на вполне невинную внешне природу, часто проявляет себя в качестве оружия конфликта. Феномен юмора «манит» исследователей, в первую очередь, по причине желания познать себя, свою природу и историю. Он междисциплинарен в теории и на практике. Юмор тесно связан с рекламой [19], социальным риском [20]. Однако в условиях глобализации обостряется проблема ментальных различий. Не последнюю роль в них играет и юмор, рассмотрение которого в рамках социальной теории становится особенно актуальным.

Список литературы

- [1]. Азимов А. Чувство юмора. М.: Эксмо, 2002. 847 с.
- [2]. Альфонс Алле. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Алле,_Альфонс (дата обращения: 23.02.2016).
- [3]. Бергсон А. Смех. М.: Издательство «Искусство», 1992. 127 с.
- [4]. Гессе Г. Игра в бисер. Пер. с нем. С. Апта. М.: АСТ, 2015. 461 с.
- [5]. Губанов Н.Н. Менталитет и его функционирование в обществе // Философия и общество. 2006. № 4. С. 125–141.
- [6]. Губанов Н.Н. Эпистемологический статус категории менталитета // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2009. № 2. С. 71–84.
- [7]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет и вызовы истории // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2010. № 4 (12). С. 213–218.
- [8]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Глобалистский менталитет как условие предотвращения межкультурных конфликтов // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 51–58.
- [9]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. О ментальных основаниях общественной солидарности // Социум и власть. 2012. № 1. С. 98–102.
- [10]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет: сущность и функционирование в обществе // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 22–32.
- [11]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Перспективы использования объективно-нереальных ситуаций // Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова. 2013. № 3 (9). С. 18–23.

- [12]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Роль образования в формировании глобалистского менталитета // *Alma mater* (Вестник высшей школы). 2014. № 11. С. 11–17.
- [13]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Менталитет в системе движущих сил социального развития // *Историческая психология и социология истории*. 2014. Т. 7. № 2. С. 149–163.
- [14]. Губанов Н.И., Губанов Н.Н. Субъективная реальность и пространство // *Вопросы философии*. 2015. № 3. С. 45–54.
- [15]. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех: социо-философский анализ. М.: Альфа - М, 2005. 592 с.
- [16]. Документальный фильм «Происхождение смеха». Режиссер: Жак Митч. США, Великобритания, 2011.
- [17]. Козинцев А.Г. Человек и смех. СПб: Алетейя, 2007. 236 с.
- [18]. Козинцев А.Г. Интервью в телепередаче «Ночь на пятом». Режим доступа: <http://www.5-tv.ru/video/505662/> (дата обращения 23.02.2016).
- [19]. Нифаева О.В., Нехамкин А.Н. Социальная реклама на службе модернизации // *ЭКО*. 2013. № 4 (166). С. 158-171.
- [20]. Нехамкин А.Н., Кокунова Д.В. Эволюция теории риска // *Вестник Брянского государственного университета*. 2010. № 3. С. 36-43.
- [21]. Пьергиоргио М. Сандри. В каждой стране свой юмор. Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20130831/212364774> (дата обращения 23.02.2016).
- [22]. Рюмина М.Т. Эстетика смеха: смех как виртуальная реальность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 320 с.
- [23]. Троллинг. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Троллинг> (дата обращения 23.02.2016).
- [24]. Франкл В. Сказать жизни «Да!». Психолог в концлагере. М.: Альпина нон-фикшн. 2015. 237 с.
- [25]. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 456 с.
- [26]. Хайнлайн Р. Луна – суровая хозяйка. (The Moon Is a Harsh Mistress). М: Эксмо-Пресс, 2006. 520 с.
- [27]. Charlie Hebdo. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Charlie_Hebdo (дата обращения 23.02.2016).